

2
Ф 534

8201

ИСТОРІЯ В Ы Г О В С К О Й

СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПУСТЫНИ.

ИЗДАНА ПО РУКОПИСИ

ИВАНА ФИЛИПОВА.

Съ соблюденіемъ его правописанія, одиннадцатью портретами знаменитыхъ старообрядцевъ и двумя видами Выговскихъ мужскаго и женскаго общежительныхъ монастырей.

Изданіе Д. Е. Кожанчикова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза.»

1862.

1998

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурной коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 17-го Ноября
1861 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

1181526 кр

Национальная
библиотека
Республики Карелия

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ матеріалы, относящіеся до исторіи раскола Старообрядчества, въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Матеріалы эти съ величайшею тайною укрывались въ той средѣ нашего народа, которая, при недостаткѣ образованія, при отсутствіи живой проповѣди и ревностныхъ опытныхъ служителей Церкви, слушала рассказы своихъ исторіографовъ, подъ привлекательнымъ покровомъ тайны и, принимая изъ нихъ только одностороннее толкованіе расколуучителей, усвоивала себѣ безсознательно различныя заблужденія, въ особенности тѣ, которыя были въ связи съ народными преданіями, съ вымышленными легендами, передававшимися часто въ извращенномъ видѣ отъ поколѣнія въ поколѣніе. При вліяніи современнаго направленія и по принятому тогда обыкновенію, расколуучители и самыя ихъ сочиненія подвергались преслѣдованію и жестокому гоненію, а не служили предметами спокойнаго и кроткаго убѣжденія: это придавало имъ еще болѣе цѣны въ глазахъ необразованнаго низшаго класса. Обсужденіе здравое, разъясненіе мысли темной и неотчетливой, могутъ имѣть мѣсто безусловно только при душевномъ спокойствіи мыслителя и при безнаказанности

миѣнія; а этого спокойствія въ первой половинѣ XVIII столѣтія не было: заблужденіе религіозно-нравственное, даже безъ всякихъ проявленій на почвѣ жизни дѣйствительной, подслушивалось, подсматривалось и было карасемо наравнѣ съ совершеннымъ преступленіемъ. Убѣжденіе, терпѣніе, кротость и милосердіе, съ стараніемъ научить или растолковать — не существовало. Это и не могло проявиться, потому-что даже и тѣ, которые въ то время, да и позднѣе, захотѣли бы дѣйствовать противъ заблужденій — убѣжденіемъ, не имѣли къ тому средствъ, потому-что для нихъ скрыта была исторія и сущность этихъ заблужденій; рукописныя раскольниковыя исторіи ходили въ народѣ между грамотными, которыхъ было еще очень мало, и укрывались въ глубочайшей тайнѣ, тогда какъ оглашеніе ихъ не только не принесло бы вреда, но дѣйствительную пользу — однимъ уже тѣмъ и преимущественно тѣмъ, что отдано было бы на обсужденіе всѣхъ и каждаго. Тайнственность даетъ всякому темному дѣлу привлекательность, — она заманиваетъ любопытство, раздражаетъ воображеніе, располагаетъ къ увлеченіямъ и тѣмъ самымъ затуманиваетъ разсудокъ — а заблужденію придаетъ призрачную форму убѣжденія. Только оглашеніе заблужденій можетъ вывести изъ темнаго угла эти призраки вѣрованій, гоненій, мученій, и только съ помощію исторіи озарить ихъ свѣтъ истинной вѣры. Призраки, подъ критическимъ разборомъ фактовъ, будутъ уменьшаться въ размѣрахъ, будутъ улетучиваться: для нихъ неостанетъ ни почвы, ни опоры. Всѣ раскольниковыя легенды принадлежатъ къ категоріи этихъ призраковъ, получившихъ цѣну и почву единственно отъ того только, что они сохранялись въ тайнѣ, имѣли временный успѣхъ только въ темныхъ углахъ и завлекали воображеніе въ скиты, въ Керженскіе лѣса, въ пустыни Поморскія. Отсюда, люди, пользовавшіеся авторитетомъ и таин-

ственность, выносили въ народъ вымышленныя и никогда не случившіяся событія, мало того, искажали и личности, на сколько это было нужно, для выказыванія болѣе рельефнаго и правдоподобнаго подвиговъ собственныхъ или своихъ собратій. Примѣромъ тому можетъ служить исторія Патріарха Никона, рассказываемая раскольниками: какими вымыслами, клеветами объ немъ, наполнены раскольническія сочиненія, какіе эпитеты изобрѣтены для выраженія къ нему ихъ ненависти: неблагодарный, многодосадительный членъ, лютый смутникъ, огненальный ярости злодѣхатель, полный непостоянный мятежникъ, уготованный ярости сосудъ... огонь фіальный вверженный въ россійское море... ключъ бездны студеничный на землю россійскую испустивый мысленныя многосмутительныя пруги и проч., и проч.

Въ этомъ отношеніи, всѣ раскольническіе вымыслы, клеветы, легенды, не имѣютъ никакого значенія и распадаются предъ историческою истиною: она обличитъ ярко и рѣзко всѣ подобныя, умышленныя, односторонніе, фантастическіе вымыслы. Но для этого надобно, чтобы всѣ эти вымыслы были извѣстны тѣмъ, которые занимаются или будутъ заниматься нашею народною исторіею, и тогда ихъ выводы будутъ безошибочны.

Составитель «Исторіи Выговской пустыни», какъ извѣстно, былъ Иванъ Филипповъ, современникъ, сотоварищъ Данилы Викулова, Андрея и Семена Денисовыхъ, учредителей Выгорѣцкаго общежительства, очевидецъ бѣльшей части событій, имъ описанныхъ.

Иванъ Филипповъ уроженецъ Олонецкаго уѣзда Шуйскаго погоста, изъ государственныхъ крестьянъ, родился въ 1655 году. Пришелъ въ Выгорѣцкое общежительство въ 1714 году. Былъ стряпчимъ въ разныхъ городахъ по дѣламъ раскольниковъ (изъ показаній самаго Ивана Филиппова при

слѣдствіи по доносу Круглова) (*). Филипповъ, хотя и называлъ себя стряпчимъ или повѣреннымъ, но жилъ постоянно въ Выговскомъ монастырѣ, гдѣ, послѣ смерти Семена Денисова, онъ былъ избранъ ему въ преемники. Это избраніе доказываетъ, что Иванъ Филипповъ былъ не изъ рядовыхъ членовъ общежительства и потому, вѣроятно, зналъ въ подробности всѣ дѣла Выгорѣцкихъ раскольниковъ. Событія, до пришествія его въ Выгорѣцкую пустыню, по собственному его объясненію, онъ заимствовалъ изъ надгробнаго слова, говореннаго Андреемъ Денисовымъ еклизіарху Петру Прокопьеву, и изъ рассказовъ товарищей своихъ: Захарія Стефанова и другихъ. Послѣдующія же событія онъ описываетъ какъ очевидецъ. Сверхъ того Филипповъ пользовался рукописнымъ сочиненіемъ: «Житіе инока Корнилія». Всѣ эти обстоятельства придаютъ большую историческую цѣну рукописи Ивана Филиппова — разумѣется, внѣ тѣхъ вымысловъ, легендъ, рассказовъ о чудесахъ, видѣній и тому под., которые единственно имѣютъ интересъ, какъ отпечатокъ направленія умовъ того времени, стремленія къ чудесному и къ облеченію въ таинственные образы происшествій самыхъ обыкновенныхъ. Сочиненіе, писанное участникомъ событій, даетъ возможность проникнуть и всмотрѣться въ весьма важные вопросы, какъ-то: гдѣ была точка опоры, съ которой раскольники того времени дѣйствовали, какія главныя идеи они поддерживали, что возбуждало ихъ протестъ противъ духовной и гражданской властей, чѣмъ привлекали они къ себѣ народъ, какія внѣшнія событія были благопріятны для поддержанія ихъ заблужденій, какія неблагопріятны и проч. и проч. Всѣ эти данныя, связанные, разсмотрѣнныя, соображенныя

(*) *Примѣчаніе.* Андрей Ивановъ въ книгѣ *Полное историческое извѣстіе о древнихъ Стригольникахъ* говоритъ, что Иванъ Филипповъ родился въ 1661 году.

съ духомъ времени, съ состояніемъ народнаго образованія, съ существовавшимъ въ Россіи порядкомъ и формою администраціи, съ *крѣпостнымъ* правомъ, съ матеріальнымъ благосостояніемъ народа, съ условіями физическими различныхъ мѣстностей, приведутъ къ весьма важнымъ и любопытнымъ историческимъ выводамъ. Возьмемъ, на примѣръ, самосожженіе.

Многіе предполагали, что самосожженіе было особенный раскольнический догматъ. Если принять это за положеніе, то въ подтвержденіе его должны быть въ исторіи раскола факты, доказывающіе что раскольники сожигались сами собою, единственно изъ догматическаго убѣжденія — для спасенія души своей, или потому, что велѣли такъ ихъ учителя: это все равно. Если бы это было такъ, то у насъ были бы факты самосожженія добровольнаго, возбужденнаго этимъ ученіемъ, въ всякихъ другихъ побуждающихъ къ тому причинъ. Мы такихъ фактовъ не встрѣтили. Напротивъ, мы находимъ факты, доказывающіе положительно, что самосожженіе было не догматъ, не ученіе, а крайнее выраженіе борьбы съ сильнѣйшею властію, слѣдствіе убѣжденія въ своемъ безсиліи, въ невозможности избѣгнуть отъ наказанія, — средство уравнивать свое безсиліе пожертвованіемъ личностей. Что предшествовало самосожженію? Извѣстіе, что идутъ подьячіе, начальники, съ солдатами и понатыми — захватить укрывающихся раскольниковъ; за тѣмъ слѣдовало соглашеніе раскольниковъ не отдаваться въ руки гонителей. Но чѣмъ противостать силѣ? Они собираются вмѣстѣ въ часовнѣ, въ церквѣ, въ избѣ или въ ригѣ, загораживаютъ себя бревнами, заборами, прокладываютъ вездѣ смольемъ и соломою, запираютъ двери, окна, ворота, — укрѣпляютъ ихъ перекладинами, бревнами, крѣпкими задвижками, и ожидаютъ своихъ гонителей; только при ихъ появленіи и, толь-

ко при нападеніи ихъ, зажигался безчеловѣчный огонь, въ которомъ погибали они съ своими отцами, женами и дѣтьми. «Отойдите! кричали они гонителямъ, оставьте насъ,—или мы сгоримъ.» Были случаи, что гонители отходили — и само-сжигатели не сжигались и оставляли свое намѣреніе. Всѣ извѣстные случаи самосожженія были всегда и не иначе, какъ въ виду явившихся для захвата раскольниковъ воинскихъ командъ, и, большею частію, во время ихъ нападенія на жилище раскольниковъ. Что заставляло тогда нѣкоторыхъ фанатиковъ, увлекавшихъ съ собою несвѣдущихъ сельскихъ жителей, принимать такую страшную мѣру? Отвѣтъ на это они сами даютъ, описывая исторически вѣрное изображеніе формы современнаго преслѣдованія раскольниковъ: «вездѣ чепи брячаху, вездѣ тряски и хомуты Ніконову ученію служаху: вездѣ бичи и жезліе въ крови исповѣднической повседневно омочахуся. Проповѣдницы Ніконовыхъ новинъ, яростію и гнѣвомъ и мучительствомъ, вмѣсто кроткаго духа, дыхаху: битіемъ и ранами, а не «благодатію Христовою увѣщеваху: лукавствомъ и коварствомъ злымъ, а не апостольскимъ смиреніемъ къ вѣрѣ «своей привождаху, и отъ таковаго насилуваннаго лютаго «мучительства, обліяхуся вся грады кровію; утопаху въ «слезахъ села и веси, покрывахуся въ плачи и въ стенаніи, «и въ стонаніи пустыни и дебри..... Иные страдали за вѣру, другіе укрывались кто куда могъ, иные, при появленіи наѣзда гонителей «съ оружіемъ и пушками» боящися «ихъ мучительства, сами сожигахуся.»

Вотъ объясненіе самосожигательства, обнаруженное самими раскольниками и подтвержденное фактами, изложенными въ главахъ 3, 4, 7, и 8 по 18-ую рукописи Ивана Филиппова. Факты эти вѣрны, потому что подтверждаются также множествомъ слѣдственныхъ дѣлъ того времени, сохранившихся и до насъ дошедшихъ; по этимъ дѣламъ,

сверхъ того, видно, что всѣ случаи самосожженія возбуждены были арестованіемъ раскольниковъ, и преимущественно за два предмета: за распространіе раскола или за неплатежъ податей, или двойнаго оклада, положеннаго съ раскольниковъ.

Переходя къ другимъ отдѣльнымъ фактамъ историческимъ, въ этой рукописи находимъ подробныя свѣдѣнія:

1) О распространеніи раскола въ Поморьѣ во время и послѣ осады Соловецкаго монастыря.

2) Приемы и обряды первыхъ расколоучителей въ Поморьѣ.

3) О преслѣдованіи раскола послѣ Макарія митрополита новгородскаго и снисходительность его къ расколу.

4) О завладѣніи Палеостровскимъ монастыремъ сперва Игнатіемъ Соловецкимъ (1687), потомъ Германомъ и Емельяномъ Повѣнецкимъ (1689).

5) О народномъ бытѣ того времени, объ идеяхъ, нравственныхъ побужденіяхъ, объ особенностяхъ мѣстностей, о столкновеніи съ сельскимъ духовенствомъ и проч.

6) Какими случаями пользовались расколоучители, чтобъ вымышленными легендами и чудесами завлечь воображеніе и религіозное направленіе людей, не знавшихъ, чему придержаться—старому или новому.

Живя въ средѣ тѣхъ людей, на которыхъ они дѣйствовали, расколоучители знали хорошо, что не нравилось народу, и нерѣдко свои легенды связывали съ тѣми внѣшними проявленіями, которыя тяготили народъ—такъ напри-
мѣръ: народная перепись, установленная Петромъ, была не по вкусу народу—и объ ней есть легенда (гл. 5), въ которой проявляется намекъ, что переписчики душъ не совсѣмъ хорошо обращались съ народомъ: легенда правилась и принималась за истину.

Но главное историческое достоинство рукописи Ивана

Филиппова заключается въ «Исторіи Выговской пустыни» (гл. 19).

Послѣ московскаго помѣстнаго собора 1655 года существованіе раскола признано, опредѣлено его значеніе и приняты мѣры преслѣдованія противъ тѣхъ, которые были въ главѣ явнаго возстанія и сопротивленія церковнымъ и гражданскимъ властямъ. Павелъ епископъ коломенскій— первое звено въ расколѣ старообрядчества—былъ сосланъ въ Палеостровскій монастырь, на Онежское озеро. Многіе отправлены въ заточеніе въ Соловецкій монастырь. Личное присутствіе въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Олонецкихъ предѣлахъ главныхъ расколоучителей, получившихъ серьезный авторитетъ, по энергіи сопротивленія, по жестокости наказаній—имѣло большое вліяніе на поморскія страны. Жители этого края, большею частію бѣдныя, постоянно въ борьбѣ съ природою дикою, были способны къ воспріятію ученій таинственныхъ; рудокопатели, рыбные промышленники, были постоянно лицомъ къ лицу съ природою, которая въ дикихъ пустынныхъ мѣстахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ, въ виду голыхъ скалъ и бурь Онежскаго озера—располагала воображеніе жителей къ сверхъестественному, давала почву различнымъ легендамъ, суевѣріямъ, и привлекала своимъ вѣшнимъ вліяніемъ къ внутреннему сочувствію всему тому, что выходило изъ обыкновеннаго, спокойнаго хода человѣческой жизни. Возвращаясь съ своихъ промысловъ, на зиму, въ погосты весьма не обширные, въ деревни, состоявшія большею частію изъ трехъ—четырехъ дворовъ, при свѣтѣ лучиннаго огня, въ дымныхъ избахъ, передавали Поморцы другъ другу рассказы объ опасностяхъ, встрѣченныхъ ими во время промысловъ и работъ,—объ различныхъ чудесахъ и видѣніяхъ. Въ средѣ такого народонаселенія начались ученія Павла Коломенскаго изъ Палеостровскаго монастыря, и бѣлаго

игумена Досифея изъ Курженской обители; они проповѣдывали о гоненіяхъ на старую вѣру, объ истязаніяхъ за борьбу, о спасеніи душъ погибающихъ. Всѣ жители Поморья крестились до того времени двухперстнымъ сложеніемъ — теперь это было преступленіе. Почему? имъ не толковали — требовали только, чтобъ они отстали отъ того, и требовали съ истязаніемъ. «Церковнослужебныя книги, говорили имъ, не годятся — вотъ вамъ новыя», а между тѣмъ изъ Соловецкаго монастыря приходили вѣсти, что и туда «прислали новыя книги, но монахи запечатали ихъ въ кладовую и продолжаютъ молиться по старымъ». Народъ не понималъ: смотрѣлъ, слушалъ все со страхомъ и недоумѣемъ — и какъ отстать отъ того, чему учили ихъ отцы, дѣды и прадеды, для кого, кто приказываетъ? «Патріархъ Никонъ — предтеча антихристовъ, мучитель, гонитель», отвѣчали раскольники, и народъ имъ вѣрилъ, какъ мученикамъ борьбы, — а борьба такъ сродна Поморцу въ его дѣйствительной жизни! Онъ вѣрилъ и потому, что все рассказываемое было близко къ его понятіямъ, было связано съ преданіями отцовъ.... Насталъ соловецкій бунтъ, бѣжали многіе монахи изъ монастыря и распространились въ Поморье, — здѣсь было гдѣ скрыться, гдѣ пріютиться отъ гоненія. Мѣста дикія, пустынные, перерытыя скалами, оврагами, испещренныя болотами, озерами, покрытыя густымъ лѣсомъ. Отъ Повѣнца до Бѣлаго моря одна дорога моельщикамъ въ Соловецкій монастырь — отъ Пудожа къ Повѣнцу проѣздъ только по озеру бурливому, вдоль берега опасная дорога, а внутрь въ Выговскую пустынь, и направо и налево раздолье для скитальцевъ, для укрывающихся — нѣтъ сообщенія, нѣтъ дорогъ ни съ селами, ни съ погостами. И въ эти необитаемыя мѣста бросились выходцы соловецкіе; сюда ушли и изъ погостовъ и сель приверженцы старины, искавшіе жизни отшельнической,

труженической, гонимые. уstraшенные проявившимися преслѣдованіями; къ нимъ присоединились бѣглые помѣщичьи крестьяне, преступники, обнищавшіе....

Жизнь такихъ выходцевъ была тяжелая—труды безпрестанные: чтобъ пропитаться, надо было расчищать лѣсъ, готовить гарь (сженные сучья), по которой сѣяли,—въ первые два года труды вознаграждались, урожай былъ изобиленъ (рожь и ячмень), но потомъ надо было опять расчищать, переходить на другое мѣсто и притомъ безопасное, чтобъ не настигли гонители, которыхъ высылали безпрестанно изъ Олонца—ловить скитниковъ и жечь ихъ кельи.

Въ переходахъ съ одного мѣста на другое отшельники встрѣчались съ другими собратіями, знакомились, дружились, соединялись семействами, обществами—установились между ними сообщенія, сходки: встрѣтили они здѣсь и старца Корнилія, который, служа при патріархахъ Филаретѣ, Иосафѣ, Иосифѣ, при митрополитахъ новгородскихъ Аѳоніѣ и Никонѣ—видѣлъ близко ходъ дѣлъ церковныхъ—и отъ нововведеній никоновскихъ скрылся въ пустынь. Здѣсь они встрѣтили и Игнатія соловецкаго, и старца Сергія и другихъ. Это были авторитеты—первые наставники поддержанія старой вѣры. Все это разбросанное общество въ отдѣльныхъ кельяхъ—скиталось по Выговской пустыни, трудилось, молилось, но въ немъ еще не было творческой идеи пропаганды, не было силы къ самостоятельному существованію. Для этого нуженъ былъ человѣкъ съ характеромъ сильнымъ, съ твердою волею, съ умомъ опытнымъ въ жизни, съ репутаціею истиннаго подвижника; для этого нуженъ былъ еще человѣкъ, который бы соединилъ ихъ всѣхъ живымъ словомъ, связалъ бы это слово съ общими современными историческими событіями—и воодушевилъ бы жизнь разъединенную, отшельническую, къ при-

натию жизни общественной, къ перенесенію идей общества на почву народную. Эти два человека были: Данила Викуловъ и Андрей Денисовъ. Они соединили разрозненные кружки, и въ 1695 году учредили знаменитое въ исторіи раскола Выгорѣцкое общежительство — въ впослѣдствіи извѣстное подъ именемъ Даниловскаго скита.

Рукопись Ивана Филиппова драгоцѣнна подробностями о началѣ Выговскаго общежительства. Здѣсь читатель найдетъ полную картину, какъ сходились изъ различныхъ мѣстностей Россіи, но преимущественно изъ Олонецкихъ предѣловъ, приверженцы старой вѣры; какія идеи, какіе интересы связывали ихъ между собою; какъ постепенно пришли они къ необходимости соединиться въ одно общество; какія внѣшнія формы приняло это общество, на какой почвѣ, какими средствами оно дѣйствовало, развивалось, богатѣло, и проч. и проч. Описаніе жизни каждого отшельника — въ связи съ событіями общества или раскола. Здѣсь проявляются нити раскола изъ нижегородскихъ лѣсовъ, изъ Москвы, отсюда видны дорожки раскола и обратно въ нижегородскіе лѣса, въ Москву, въ С.-Петербургъ и въ другія мѣстности. Для исторіи хода раскола рукопись Ивана Филиппова драгоцѣнна, какъ единственная, въ которой собраны довольно послѣдовательно событія.

Относительно разсказа Ивана Филиппова можно сказать что онъ отличается спокойствіемъ и умѣренностію; Филипповъ всегда почтительно и съ уваженіемъ обращается къ властямъ и, какъ справедливо замѣтилъ Г. А. Б. (въ книгѣ Описаніе раскольническихъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола, страница 203) у Филиппова, сравнительно съ сочиненіями другихъ расколуучителей, значительно меньше рѣзкихъ выходокъ противъ Церкви православной и церковныхъ властей. Раздѣленіе на главы совершенно произвольно и случайно. Онъ распо-

ложены не въ хронологическомъ порядкѣ. Начало, въ родѣ введенія: *Сказаніе стояніи православныя Христіанскія вѣры в Россійской земли*, написано съ цѣлію объяснить,—какимъ образомъ и по какимъ причинамъ произошелъ расколъ. Здѣсь голословно, бездоказательно обвиняется Патріархъ Никонъ *въ новшествахъ* и оправдывается упорство — придерживаться старопечатнымъ книгамъ и другимъ заблужденіямъ раскольническимъ. Эта часть сочиненія Ивана Филиппова очень слаба, въ ней видно пристрастіе и односторонній взглядъ; всѣ эти неосновательные выводы о старой вѣрѣ, о различныхъ заблужденіяхъ раскольниковъ блистательно опровергнуты въ извѣстномъ всей Россіи сочиненіи преосвященнаго Григорія, бывшаго митрополита с.-петербургскаго и новгородскаго (Истинно древняя и истинно православная Христова Церковь,) и въ «Исторіи раскола» Макарія, епископа Винницкаго. Въ главахъ съ 1-й по 18 включительно, собраны рассказы о сгорѣвшихъ раскольникахъ въ Палеостровскомъ монастырѣ и другихъ мѣстахъ, но все въ Олонецкихъ предѣлахъ и въ Поморьи. Въ 19-й главѣ начинается общая исторія *о зачалъ всей Выювской пустыни, объ общежительствахъ и скитахъ по благословенію отъ какихъ отецъ зачася*, — эта глава имѣетъ непосредственную связь со всѣми послѣдующими. Въ рассказахъ объ отцѣ Давидѣ, объ Андрѣ Денисовѣ, объ Захаріи Степановѣ и другихъ, продолжается повѣствованіе и объ Выгорѣцкомъ общежительствѣ, которое состояло изъ двухъ монастырей, мужескаго и женскаго. Въ главѣ 39-й любопытныя свѣдѣнія о разглагольствіи іеромонаха Неофита въ 1722 году съ выгорѣцкими пустынножителями. Послѣдствіемъ этого разглагольствованія были извѣстные *поморскіе отвѣты*, сочиненные Андреемъ Денисовымъ и пользующіеся большимъ авторитетомъ между раскольниками безпоповщинской сек-

ты. О содержаніи Поморскихъ отвѣтовъ Филипповъ ничего не говоритъ,—онъ только рассказываетъ, какъ пустынножители подавали эти отвѣты Неофиту на Петровскихъ заводахъ. Въ главѣ 46-й описаны подробно опасности, которымъ подвергался Выговскій монастырь, по случаю доноса Петра Халтурина въ 1736 году, — но ловкостію и дѣятельностію стряпчаго своего въ Петербургъ Стахія Осипова, Выговцы выпутались благополучно. За то дорого обошелся имъ доносъ прежняго ихъ товарища Ивана Круглова. Они едва не лишились своихъ главныхъ наставниковъ и руководителей: Семена Денисова, Петра Прокопьева—и самъ Иванъ Филипповъ, сочинитель исторіи былъ схваченъ и сидѣлъ подъ карауломъ: надъ Выговскою пустынею было наряжено строгое слѣдствіе и учреждена особая коммисія для розыска въ самомъ монастырѣ. *Повѣсть о зоключеніи на Выговскую пустыню по злодѣйству діаволу чрезъ злоа безчинника Ивана Круглова*, составляетъ отдѣльную статью, раздѣленную на 26 главъ. Затѣмъ слѣдуютъ рассказы: объ архимандритѣ Авраамѣ Иверскаго монастыря, о Ѳеодорѣ Семеновѣ, о прибытіи въ коммисію Тихвинскаго монастыря намѣстника іеромонаха Игнатія съ прочими, о прибытіи въ коммисію Варсонофія Отнинскаго монастыря,—служать продолженіемъ по доносу Круглова. Последняя глава о смерти Симеона Денисова, послѣ котораго сочинитель Исторіи Выговской пустыни былъ избранъ наставникомъ общежителства. *Надсловіе* писано уже не Иваномъ Филипповымъ, потому что въ немъ говорится о его смерти, послѣдовавшей 3-го декабря 1744 г.

Прочитавши рукопись Ивана Филиппова, остается сожалѣніе, что послѣ него не было талантливаго человѣка изъ пустынножителей, который продолжилъ бы исторію Выговской пустыни, съ ея любопытными картинами и со